

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СЮЖЕТА («ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «ДОКТОР ЖИВАГО» Б. Л. ПАСТЕРНАКА)

Нури Джаннат

Ключевые слова: Библия, образ, христоцентрический фокус, мотив, Христос, Мария Магдалина.

Keywords: Bible, image, christo-centric focus, motif, Christ, Mary Magdalene.

DOI 10.14258/filichel(2022)3-06

Введение

В литературоведческой науке Библия, которая всегда была центром формирования и развития человеческого общества и культуры, стала значимым источником для изучения того, как авторы визуализируют и воспринимают евангельскую историю и используют концепты, связанные с христианством, в своих художественных произведениях. Русская литература XIX–XX вв. не является здесь исключением. «Идиот» Ф. Достоевского и «Доктор Живаго» Б. Пастернака относятся к числу тех текстов, которые основаны на творческом восприятии тематических мотивов Библии, в частности, евангельской истории о Христе и Марии Магдалине. Роль библейских мотивов в романе «Идиот» в достаточной мере исследована в современном литературоведении, например, в статьях И.А. Есаулова «Пасхальный архетип в поэтике Достоевского», В. Ляху «О влиянии поэтики Библии на поэтику Ф.М. Достоевского». Гораздо меньше обращалось внимания на евангелические ассоциации в прозаической части романа Пастернака, в отличие от анализа стихотворной главы. Наконец, полностью отсутствуют статьи и монографии по сравнительному анализу данных тематизмов в двух произведениях, за исключением кандидатской диссертации Ф.Ф. Камельяновой «Романы Ф.М. Достоевского „Идиот“ и Б.Л. Пастернака „Доктор Живаго“: типологическое сходство художественных систем» (2011), в которой подробно исследуются идеи и образы двух романов, но не затрагивается в должной мере мотивная структура. В этой связи уместно провести критическое исследование библейского контекста в структуре произведений «Идиот» и «Доктор Живаго», чтобы выяснить, как такие мотивы

вы используются для формирования и развития движения персонажей в рамках христоцентрической структуры двух романов.

Поэтому целью данной статьи является:

- изучение восприятия христианских идей Ф. Достоевским и Б. Пастернаком, нашедших отражение в «Идиоте» и «Докторе Живаго»;
- анализ роли библейских мотивов, используемых в обоих текстах;
- выявление значения образа Христа как прототипа при создании образов Мышкина в «Идиоте» и Живаго в «Докторе Живаго»;
- определение роли Марии Магдалины как источника вдохновения для создания образов Настасьи в «Идиоте» и Ларисы в «Докторе Живаго»;
- показ общего и различного в использовании библейской традиции Достоевским и Пастернаком.

Методология

Методология данной работы основана на структурном и герменевтическом анализе романов «Идиот» и «Доктор Живаго», цель которого — выяснить, что в интерпретации образов Мышкина, Живаго, Настасьи Филипповны и Лары является объектом авторской рецепции евангелического текста. Методологической основой работы являются основные положения рецептивной эстетики, структурного и мотивного анализа. Автор исходит из положения, согласно которому евангельский текст рассматривается как инвариант, допускающий различные развертывания сюжета в качестве вариантов. Методология также включает принципы анализа мотива, предложенные А. Л. Бемом, В. Б. Шкловским, Б. Н. Путиловым, Б. В. Томашевским и В. Я. Проппом, с целью установить семантическую связь между персонажами и библейскими мотивами и показать, как эти два текста развиваются в христоцентрической структуре, которая проявляется на разных уровнях текста.

Результаты исследования

Понятие христоцентрической структуры, используемое в статье, включает в себя эксплицитное и / или имплицитное помещение фигуры Иисуса Христа в фокус художественного текста, который влияет на основные компоненты целого, прежде всего такие, как сюжет и характер главного персонажа, реализованные через определенный комплекс мотивов. Христоцентрическая структура этих романов позволяет применить учение, духовные принципы ситуации из жизни Христа на образы главных героев: Мышкина и Юрия Живаго. Подобно богочеловечеству Христа, и Мышкину, и Живаго удастся осознать полноту жизни и потенциальный абсолют, который существует в каждом человеке и который хотя бы частично раскрывается в биографии каждого. Нравственная чи-

стота Мышкина близка к духовности Христа, в то время как Юрий Живаго находится в процессе своего внутреннего духовного становления и таким образом воплощает идеалы Христа. Поскольку герои проникнуты христианской добродетелью, то столкновение с реальным миром ставит их в положение изгоев, что делает уместным сравнение их с Иисусом. Инаковость героев в окружающем их мире зла и разрушения обуславливает их диалог с окружающим обществом и необходимость проповеди как средства потенциального исцеления.

Такая инаковость парадоксальным образом включает в себя мотив учительства и вместе с ним детской непосредственности. Библейский мотив детской невинности в обоих текстах становится механизмом развития психологической темы, позволяющей раскрыть глубинные слои личности обоих и установить значимые параллели с евангельским текстом. Библейская ссылка на то, что тот, «кто смирит себя, как это дитя, тот и больший в небесном царстве» [Камельянова, 2009, с. 158], ясно выражена в образе Мышкина, который называет себя ребенком и считает, что ребячество является признаком возрождения и, следовательно, необходимо для исцеления души: «Через детей душа лечится»¹. На самом деле он пытается обнаружить детскую невинность и чистоту среди других, о чем свидетельствует его обращение к Лизавете Прокофьевне, Аглае Епанчиной, Коле как к детям.

В «Докторе Живаго» детские годы Юрия, Тони, Лары, Ники и Миши являются символом их чистоты и невинности, еще не испорченных мирскими делами. И это изображение детских лет персонажей проливает свет на использование Пастернаком библейского мотива детской невинности. Позже в романе этот мотив выходит за рамки детских дней и становится доминирующим мотивом даже в дальнейшей жизни Живаго, который, хотя уже и не ребенок, но как христианское дитя Божье, подобно герою поэмы «Гамлет», «обращается с сыновней покорностью к Богу-отцу: “Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси”»².

Образ Христа как учителя также проецируется при создании этих персонажей. Используя учение Иисуса в качестве одного из доминирующих принципов в романах, оба писателя придают ему статус семантического инварианта внутри христоцентрической структуры, которая, в отличие от «усложненного мотива», введенного А. Л. Бемом, не «по-

¹ Здесь и далее цитирование дано по изданию: Достоевский Ф. М. Идиот: Роман. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2003.

² Здесь и далее цитирование дано по изданию: Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М., 1945–1955.

тенциально содержит в себе возможность развития, дальнейшего нарастания, осложнения побочными мотивами» [Бем, 1919, с. 227] и не является препятствием для очевидной аналогии с Евангелием.

Интертекстуальные отсылки к учению Христа первоначально образуют свободный мотив, вроде бы не связанный с движением каждой из фабул, однако по мере развертывания текста все больше уплотняются, срастаются с действием и приобретают характер связных мотивов, без которых смысл повествования был бы утерян. Мышкин учит окружающих его персонажей истинной идее христианской добродетели, чувству любви и особенностям ее реализации, не претендуя на роль учителя, в то время как Доктор Живаго несет в своем имени мотив учения: «слово “доктор” в латинском языке восходит к “docere” — “учить”» [Камельянова, 2011, с. 110]. Это позволяет предположить, что словосочетание «Доктор Живаго» семантически «тождественно именованию учитель жизни» [Камельянова, 2011, с. 110].

Жизненная практика Мышкина, основанная на христианстве, в среде окружающих его людей: детей и Мари из швейцарской деревни, Рогожина, двух женщин его жизни, Епанчиных и Иволгиных и т.д., является примером для принятия его как образа Христа на земле. Поучительная проповедь Мышкина выражает суть религиозного чувства, которое представляет православие как одну из важнейших духовных основ. Даже мотив учения, наряду с некоторыми событиями, такими как «его ждут “как провидение”», к нему идут с исповедями, за прощением грехов, за исцелением, даже с требованием: «...Вы должны, вы обязаны воскресить ее ...» [Степанян, 2001, с. 147], ставит Мышкина в качестве замены Христа человеком. На самом деле он представляет собой «тип подвижника-страстотерпца, христианина и идеолога, который до конца последовал евангельскому завету Христа, “положив свою душу за других”» [Федорова, 2019 с. 199].

Поскольку Христос есть свет мира и его последователи не будут погружены во тьму, а вместо этого будут озарены светом жизни, образ Спасителя реализован через метафорический образ света. Как и Христос, фигура Живаго также соотносена с метафорой света, которая в данном случае символически воплощена в горении свечи: «„Свеча горела на столе. Свеча горела...” — шептал Юра про себя начало чего-то смутного, не оформившегося, в надежде, что продолжение придет само собой без принуждения. Оно не приходило» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. 1945–1955, с. 59).

Мотив свечи появляется при первой встрече Юрия и Лары, и каждый раз с тех пор он возникает почти во всех моментах, связанных с встречей

Живаго и Лары: «Внутренние комнаты Свентицких были загромождены ... запасными елочными свечами» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. 1945–1955, с. 60). Даже Лара «любила разговаривать в полумраке при зажженных свечах» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. 1945–1955, с. 58), и позже ее любовь к свечам символически связывает Живаго с мотивом света, когда она обращается к Живаго так, как если бы он был свечой ее жизни: «А ты все горишь и теплишься, свечечка моя ярая! — влажным, заложеным от спанья шепотом тихо сказала она» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. 1945–1955, с. 268). Таким образом, свеча, появляющаяся как свет, в этой книге становится повторяющимся библейским мотивом, связанным с воскресением.

Мотив света также появляется в «Идиоте», когда Мышкин пишет письмо Аглае. Даже сам Мышкин представлен как «свет», излучающий луч доброты, чистоты и святости по отношению к людям, далеким от процесса христианского просвещения. Его единение с библейским светом и его попытка избавиться от тьмы принимают окончательную форму его воскресения в конце романа, когда после убийства Настасьи Филипповны он, наконец, ложится после появления дневного света: «Между тем совсем рассвело; наконец он прилег на подушку, как бы совсем уже в бессилии и в отчаянии, и прижался своим лицом к бледному и неподвижному лицу Рогожина; слезы текли из его глаз на щеки Рогожина, но, может быть, он уж и не слышал тогда своих собственных слез и уже не знал ничего о них...» (Федор Достоевский. Идиот. 2003, с. 650). Таким образом, мотив света, помещенный в финал романа, усиливает аналогию князя Мышкина с Христом, становится смысловым «атомом», поскольку «мотив — это тематический итог фабулы или ее целостной части, и в этом плане мотив становится уже над фабулой — как смысловой „атом“ сюжета произведения» [Шкловский, 1929, с. 69]. Стилизовое и сюжетное начало как бы сливаются здесь в единое смысловое целое.

Библейский мотив любви, используемый в обоих текстах, иногда появляется в одной и той же структуре с одним и тем же значением, а иногда в новой структуре, которая воспроизводит новое значение. Например, оба текста характеризуются любовью к Богу и человечеству. С другой стороны, интимные чувства мужчины к женщине представлены в них по-разному: духовная любовь между Мышкиным и Настасьей представлена без каких-либо признаков плотской страсти, в то время как любовь между Живаго и Ларой достигает более высокого уровня любви — божественной любви через присутствие плотской и духовной страсти, которая предстает как мотив библейской любви, характеризующейся как агапе, так и эросом. Следовательно, этот мотив и специ-

фика его воплощения сближают романы «Доктор Живаго» и «Идиот» и соотносят их с христианством.

Мышкин и Живаго, чьи сердца наполнены только любовью, являются абсолютными фигурами, несущими идеологию христианства. По Мышкину, о человеке следует судить только по его добрым делам, добродетелям, а также по христианским качествам, а не по его грехам, которые можно искупить в дальнейшей жизни. Он не только верит в это, но и практикует это в своей собственной жизни, пытаясь найти в других людях достоинства, а не пороки. Он следует заповеди Спасителя «Не судите, да не судимы будете», когда говорит, что никогда не будет судить Ганю Иволгина как негодяя. Вместо этого он понимает, что только христианская добродетель любви может воскресить его. По его мнению, человека не следует осуждать за его проступки, потому что «люди совершают проступки не от душевной злости, а от слабости и духовной незрелости, а потому только через прощение и понимание можно пробудить доброту в душе человека» [Камельянова, 2011, с. 60-61]. Даже Достоевский представляет евангельскую идею Божьей любви как всю сущность христианства через речь Мышкина: «...все понятие о боге как о нашем родном отце и о радости бога на человека, как отца на свое родное дитя, — главнейшая мысль Христова!» (Федор Достоевский. Идиот. 2003, с. 235). Это убеждение Мышкина явно близко к идее, которую содержат «слова воскресшего Господа, обращенные к Марии Магдалине: „...иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к богу Моему и богу вашему”» [Соломина-Минихен, 2016, с. 26].

Таким образом, мир Мышкина является воплощением мира человеческой любви, который исключительно представляет его как оптимистичного человека, следующего евангельской заповеди: «Не судите, да не судимы будете». Его чувство вины, его уважение к женщинам, а также человечность и попытки защитить Варвару Иволгину и Настасью Филипповну, а также природа прощения — все это воспитывается в нем только благодаря его вселенской христианской любви. По этим причинам, считает Н. Бердяев, «Достоевский принял христианство, прежде всего как религию любви» [Бердяев, 1993, с. 196]. Признание Мышкина в любви к Настасье Филипповне, по-видимому, отвергает наличие в нем христианской добродетели, потому что любой читатель, на первый взгляд, может подумать, что Мышкина привлекает физическая красота Настасьи и он хочет обладать ею, но его заявление о принятии смерти («Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас ...» (Федор Достоевский. Идиот. 2003, с. 178) ставит его на место христианского мученика, в ко-

тором нет места страстной любви и который всегда готов принять любое наказание за свою любовь.

Даже евангельское понимание любви к человечеству проявляется в виде взаимного уважения, когда Мышкин обращается к Аглае с просьбой не позорить Настасью Филипповну. Христианское чувство любви, по Мышкину, является лучшим чувством, которое изливает христианскую добродетель на человека, чтобы сделать его оптимистичным, чтобы он мог жить на этой земле с позитивным отношением к жизни. А поскольку Иисус, сын Божий, является носителем любви на этой земле, князя Мышкина можно назвать земным подобием Иисуса Христа. Этот христианско-библейский мотив любви в другой форме (любви к человечеству, а также к Родине) просматривается в докторе Живаго. Как врач он служит человечеству, не думая о своей собственной жизни, а также о своей семье. Камельянова считает, что его любовь к человечеству, которая является одной из главных идеологий христианства и гуманизма, проявляется на поле боя, особенно в его реакции как на убитого телефониста Красной гвардии, так и на раненого старшекласника Белой армии. Для него, как для врача, даже в критический момент не существует идеологических границ [Камельянова, 2011, с. 69]. Итак, логично предположить, что Живаго воплощает в себе не только духовность, но и земную форму христианства.

В обоих текстах, передающих разные значения в разных сюжетах, библейский мотив любви порождает новые смыслы, связанные с христоводобной духовностью в Мышкине, а также слиянием христианской добродетели с земной добродетелью в процессе воскресения Юрия. В этом смысле функция библейского мотива любви в обоих текстах является как семантической с точки зрения парадигматики текста, так и продуктивной — в рамках развития действия в плане синтагматики. Ведь семантическая функция мотива «несет свои значения, определяющие содержание сюжета» [Путилов, 1988, с. 140]. В то же время она коррелирует с порождающей функцией, которая вводит новые значения — в силу «заложенных в нем способностей к изменению, варьированию, трансформациям» [Путилов, 1988, с. 140].

Мотив путешествия в обоих текстах имеет инвариантное значение, и в этом смысле он связан не столько с фабулой, сколько с инвариантной сюжетной схемой. Путешествие Мышкина и Живаго «символизирует некий predetermined путь в судьбе героев, подобно пути Христа, посланного в мир искупить людские грехи» [Камельянова, 2009, с. 158]. Даже речь Мышкина о том, что он идет к людям, ничего не зная и предполагая, что ему может быть скучно с людьми (Федор Достоев-

ский. Идиот. 2003, с. 82), и раздумья Живаго о том, что распорядок действий продуман и не предотвратит конца пути (Борис Пастернак. Доктор Живаго. 1945–1955, с. 315), выражают представление христианского чувства предопределения — «теперь должно написанное сбыться» (там же, с. 342). Развитием инвариантного мотива путешествия в обоих произведениях становится мотив железной дороги. В вагоне поезда начинается сюжет «Идиота», где происходит судьбоносная встреча Мышкина с Рогожиным. В вагоне санитарного поезда Живаго встречает Ларису. Железная дорога приводит семейство Громеко в Юртин. По железной дороге Комаровский увозит Героиню от Юрия Живаго. Наконец, сам главный возвращается в Москву по разобранным шпалам железной дороги, словно повторяя крестный путь Спасителя.

Таким образом, оба автора, используя различные библейские мотивы, наряду с характеристикой Мышкина и Живаго, воссоздают земной путь Иисуса, идеи воскресения, а также сущностные черты христианства в обоих текстах. Евангельский текст оказывается инвариантом (инвариант — это нечто постоянное и неизменное), предполагающим развертывание двух вариантов. Молчание Мышкина в конце «Идиота» и частично процитированные слова Христа на кресте приближают образ Мышкина к Христу. И. Евлампиев пишет, что в «Идиоте» «Бог из трансцендентного Абсолюта превращается в имманентную основу эмпирической личности; Бог — это потенциальная полнота жизненных проявлений личности...» [Евлампиев, 2002, с. 105]. Пастернак также использует библейские мотивы в романе, но записная книжка и стихи Живаго более обогащены этими мотивами, отсылающими к Библии. И герои Достоевского, и герои Пастернака воплощают только христианские идеалы и добродетели, которые преобладали во Христе — короче говоря, христоподобные качества, но не несут в себе абсолютного и целостного образа Христа. Воссоздать всемогущего Христа практически невозможно для любого писателя только с помощью воображения и знания христианства.

При обращении к группе мотивов, связанных с фигурой Марии Магдалины, следует заметить, что образы Настасьи Филипповны, героини «Идиота», и Лары, героини «Доктора Живаго», связаны большим количеством сходных мотивов, которые включают множество новозаветных реминисценций и, следовательно, введены в христианско-ориентированную структуру этих текстов.

Одним из таких повторяющихся мотивов, наделенных символическим смыслом, является архетипический мотив красоты, представленный в обоих текстах и связывающий Марию Магдалину с Настасьей Филипповной и Ларой. Библейская идея красоты — человек смотрит

на внешнюю красоту, а Господь смотрит на сердце — раскрывается в том, как Мышкин и Рогожин воспринимают красоту Настасьи Филипповны и как Живаго и Комаровский воспринимают красоту Лары. Реакция Рогожина на красоту Настасьи и реакция Комаровского на красоту Лары предполагают, что они смотрят только на внешнюю красоту: «Я, однако же, на час втихомолку сбегал и Настасью Филипповну опять видел; всю ту ночь не спал» (Федор Достоевский. Идиот. С. 13-14); «Шапка ее волос, в беспорядке разметанная по подушке, дымом своей красоты ела Комаровскому глаза и проникала в душу» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. С. 39). По этой причине в жизни обеих женщин за мотивом красоты следует мотив страдания: «...роковой, сводящей с ума мужчин красоте и надломленности...» [Латкина, 2007].

С другой стороны, Мышкин и Живаго, обладающие качествами, подобными Христу, смотрят на внутреннюю красоту героинь так же, как смотрел Иисус на Марию Магдалину. Этот мотив красоты повторяется достаточно часто в обоих текстах, поэтому корректно определить его лейтмотивом, что соответствует определению Б. В. Томашевского: «Если ... мотив повторяется более или менее часто, и особенно если он является сквозным, т. е. не вплетенным в фабулу, то его называют лейтмотивом» [Томашевский, 1996, с. 187]. Использование этого лейтмотива подчеркивает сводящую с ума красоту Настасьи Филипповны и Лары, которая связана с мотивом падения. Этот мотив грехопадения пересекается с мотивом греха, что приводит к страданиям в жизни Настасьи и Лары. Слияние мотивов красоты, грехопадения, греха и страдания напоминает евангельскую тему, связанную с образом евангельской Марии Магдалины. В дополнение к тому факту, что эти мотивы могут быть оправданы с библейской точки зрения через изучение их вместе с образом Марии Магдалины, в «Докторе Живаго» есть несколько прямых ссылок на Марию Магдалину: «Несколько слов о Христе и Магдалине» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. 1945–1955, с. 253); «Существует спор, Магдалина ли это, или Мария Египетская, или какая-нибудь другая Мария... И сходное восклицание в другом тропаре на тот же день, более подробном, и где речь с большею несомненностью идет о Магдалине» (там же, с. 254). Даже тот факт, что Живаго пишет стихи о Христе и Магдалине, вдохновленный богословским дискурсом Симы Тунцевой в квартире Лары, указывает на то, что в своем поэтическом, а также творческом мышлении, как сознательном, так и подсознательном, он связывает духовную и плотскую страсть свою и Лары со страстью Христа и Магдалины, которая благодаря сочетанию эроса и агапе становится высшей и божественной любовью. И по этой причине А. Власов считает, что су-

ществует несколько архетипических параллелей, подтверждающих духовное родство Лары и Магдалины [Власов].

Библейская история, связанная с мотивом грехопадения, характеризует отношения Мышкина с Настасьей Филипповной, с одной стороны, и Живаго с Ларой, с другой. Этот мотив появляется в ситуации обеих героинь. Настасья — сирота, разоренная и даже изнасилованная в шестнадцать лет, в то время как сама Лара думает о себе: «Теперь она — как это называется? — теперь она — падшая» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. С. 39). Даже этот мотив обретает словесную форму в речи Мышкина и Живаго, описывающих падение своих героинь: «Эта несчастная женщина глубоко убеждена, что она самое павшее, самое порочное существо из всех на свете» (Федор Достоевский. Идиот. С. 464); «Я думаю, я не любил бы тебя так сильно, если бы тебе не на что было жаловаться и не о чем сожалеть. Я не люблю правых, не падавших, не оступавшихся» (Борис Пастернак. Доктор Живаго. С. 245). Эти ситуации определяют эмоциональное отношение Мышкина к Настасье и эмоциональное отношение Живаго к Ларе точно так же, как библейская история о Христе и Магдалине. Это падение приводит их к совершению грехов, и в конце концов они оба страдают. Их страдания связаны прежде всего с потерей веры в человека и гармоничное мироустройство, поэтому Лариса стреляет в Комаровского, а Настасья готова броситься в омут жизни вместе с Рогожиным. Страдания героинь заставляют и Живаго, и Мышкина страдать, а когда героини вступают в контакт с Живаго и Мышкиным, то обе духовно преображаются через покаяние и начинают жить в надежде на спасение, подобно Марии Магдалине. Вряд ли случайно имя Настасьи Филипповны ассоциируется с воскресением Христовым и напоминает нам об образе Марии Магдалины. М. С. Альтман отмечает, что ее зовут Анастасия, что означает «воскресение», а ее фамилия (Барашкова) — напоминание о жертвенном агнце, то есть о Христе [Альтман, 1975]. Таким образом, уместно провести параллель с образами библейской Марии Магдалины, Настасьи и Лары.

Мотив воскресения присутствует в обоих текстах и соответствует «функции действующего лица» В.Я. Проппа [Пропп, 1928, с. 29]: в обоих текстах процесс функции воскрешения является переменной величиной, но сама функция воскрешения является неизменной величиной. Как неизменная ценность этот мотив может быть связан с воскресением, встречающимся в евангельской традиции. В частности, персонажи Живаго и Мышкин проходят процесс воскрешения, в котором Лара и Настасья, подобно Марии Магдалине, считающейся свидетельницей воскресения Христа, становятся свидетелями духовного преображения ге-

роев, а также воскресения. Г. О'Коллинз и К. Дэниел пишут, что Джозеф Фитцмайер, изучающий данные Нового Завета, во втором томе своего комментария к Евангелию от Луки перечисляет и описывает шесть повествований о Воскресении, которые встречаются в евангельской традиции. Среди них Мария Магдалина упоминается в пяти из шести евангельских повествований как главный свидетель воскресения [O'Collins & Daniel, 1987, p. 634]. Но Уильям Томпсон считает женщин (Марию Магдалину и Марию, мать Иакова, и Саломею) неофициальными свидетелями Пасхи, а Петра — подлинным свидетелем Пасхи [O'Collins & Daniel, 1987, p. 637]. В этом контексте, если мы поставим Евграфа и Рогожина на место Петра, то образы Лары и Настасьи из этих двух романов можно рассматривать как образы, созданные путем следования архетипическому образу Марии Магдалины.

Мотив путешествия, отраженный в попытке Настасьи Филипповны переехать с одного места на другое, пока она не решит, за кого выйдет замуж, и перемещение Лары из одного места в другое в поисках мужа отсылают к путешествию Марии Магдалины, которое, по словам Д. А. Ли, она продолжает, пока не узнает личность Иисуса [Lee, 1998, p. 113]. Согласно Евангелию от Матфея, Мария Магдалина присутствовала во все решающие моменты между распятием и воскресением [Bieringer & Hove, 2007, p. 211]. Как и она, Лара и Настасья также присутствуют почти в каждом важном поворотном моменте жизни своих героев, включая духовное воскресение которых, как объяснялось выше, можно рассматривать как образ Христа. Даже Лара, подобно Марии Магдалине, которая, как пишут Р. Бирингер и В. И. Хоув, сопровождала Иисуса в его путешествии во время его общественного служения в Галилее и даже в Иерусалиме [Bieringer & Hove, 2007, p. 244], сопровождает Живаго в его путешествии в качестве врача во время войны. И даже после войны так же остается с ним в Юртыне, затем во время его поездки в Варыкино, после того как новое революционное правительство начинает подавлять политическое инакомыслие. Оставляя в стороне это физическое путешествие, Мария Магдалина также совершает духовное путешествие к Иисусу, который делает первый шаг, чтобы обратиться к ней. И, как и она, Настасья поворачивается, чтобы принять Мышкина, а Лара, чтобы принять Живаго, потому что герои, как указывалось ранее, подобны образу Христа. Поэтому мотив путешествия становится самостоятельным и завершенным элементом сюжета текстов и в то же время не только выстраивает сюжет, но и определяет его развитие, привнося в сознание читателей библейское упоминание о Марии Магдалине.

Процесс исцеления Настасьи Филипповны и Лары от травматического опыта сексуального насилия напоминает библейский мотив процесса исцеления Марии Магдалины от злых духов и болезней. Но поскольку этот библейский мотив не ограничивается каким-либо конкретным повествованием, его нельзя рассматривать как единицу конкретного повествовательного произведения. Семантические аспекты этого мотива придают ему дополнительную ценность благодаря процессу семантизации и эстетизации некоторых событий, связанных с процессом исцеления Лары и Настасьи Филипповны. Аналогично образу Магдалины, и Лара, и Настасья Филипповна так же вовлечены, хотя и не добровольно, в сексуальные грехи. Лариса и Настасья Филипповна не грешницы в том смысле, в каком Мария Магдалина была грешницей до встречи со Христом. Но обе отягчены страданием. Точно так же, как Иисус исцелил Марию Магдалину от ее болезни, вызванной семью демонами, Мышкин и Живаго исцеляют Настасью и Лару от их болезни, вызванной Тоцким и Комаровским, предлагая им настоящую любовь, которая помогает им двигаться вперед, забывая об их травмирующем опыте сексуального насилия. Этот мотив процесса исцеления в случае Настасьи и Ларисы является попыткой трансформации в процессе их взаимоотношений с главными героями. Вместе с тем и Достоевский, и Пастернак усложняют событийную канву своих романов в сравнении с евангельским сюжетом. В условиях усложнившихся социальных отношений и нестабильности окончательное исцеление оказывается невозможным. Мотив воскресения замещается мотивом смерти. Обе героини гибнут: одна убита Рогожиным, другая — в одном из многочисленных лагерей для заключенных.

Следует отметить, что отношения двух пар персонажей в романах Достоевского и Пастернака моделируются по-разному. В случае с Достоевским платонические любовные отношения между Марией Магдалиной и Христом идеально вписываются в парадигму отношений между Настасьей и Мышкиным, тогда как связь Лары и Живаго носит эротический характер, сочетающий, по словам Дж. Гивена, жест как раскаяния, так и близости, сочетание плотской и духовной страсти [Givens, 2018, p. 199]. Сам Живаго вписывает свой роман с Ларой в библейский контекст раскаявшейся проститутки, изображенной в его стихах о Магдалине, чтобы заставить нас понять смысл сексуального преступления, как это делает сама Лара ранее в романе, когда, по словам Дж. Гивена, она слушает священника, читающего девять заповедей блаженства, и думает, что это было о ней [Givens, 2018, p. 200]. Но, подобно библейским

страстям Христа и Магдалины, страсть эроса и агапе между ними создает своего рода абсолютную красоту.

Таким образом, в судьбах Настасьи и Лары наиболее полно раскрываются аналогии с фигурой Марии Магдалины, что дает исследователю возможность говорить о типологической и семантической близости мотивов Евангелия и обоих романов, через которые и осуществляется такая близость в рамках христоцентрической структуры.

Подводя итог, можно сказать, что анализ мотивов создания образов Мышкина, Настасьи Филипповны, Юрия Живаго и Лары раскрывает их христоцентричность, напоминающую архетипические образы Христа и Марии Магдалины. Сущность христоцентрической структуры как всякого архетипического образования заключается в неразрывной связи мотива со структурой персонажа, ибо «говоря о персонаже, тем самым пришлось говорить и о мотивах, которые в нем получают стабилизацию; вся морфология персонажа представляет собой морфологию сюжетных мотивов» [Фрейденберг, 1997, с. 221-222]. В то же время преобразование жанра сакрального текста, коим и является Новый Завет, в романную структуру потребовал от писателей расширения круга мотивов, а также вариации мотивов традиционных.

Выводы

Евангельское исследование наряду с мотивационным анализом представленных текстов позволяет предположить, что образы Мышкина, Живаго, Настасьи Филипповны и Ларисы созданы на основе творческого восприятия авторами библейского текста. Поскольку между героями и Христом, героинями и Марией Магдалиной нет абсолютно-го сходства и различий, было бы оправданно сделать вывод, что Мышкин и Живаго не являются альтер-эго Христа, но воплощают некоторые идеалы Христа, а Настасья и Лариса не являются Марией Магдалиной, но воплощают некоторые ее отражения. Достоевский и Пастернак, проникнутые легендарными библейскими мотивами, используют образы Христа и Марии Магдалины в качестве основы и прототипа для создания характеров героя и героини, которые делают эти образы воплощением евангельской темы.

Библиографический список

- Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов. 1975.
- Бем А. Л. К уяснению историко-литературных понятий. 1918. Т. 23. Кн. 1. СПб., 1919.
- Бердяев Н. А. О русских классиках / сост., коммент. А. С. Гришин. Вступ. ст. К. Г. Исупов. М., 1993.

Власов А. О некоторых особенностях функционирования стихотворных текстов в романе В. Набокова «Дар» и Б. Пастернака «Доктор Живаго». URL: <http://alstvlasov.narod.ru/articles/005.html>

Евлампиев И. Достоевский и Ницше: на пути к новой метафизике человека // Вопросы философии. 2002. № 2.

Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5.

Камельянова Ф. Ф. Вечные идеи и ценности в романах Ф. М. Достоевского «Идиот» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (опыт сопоставительного изучения) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 99.

Камельянова Ф. Ф. Романы Ф. М. Достоевского «Идиот» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: типологическое сходство художественных систем : дисс. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011.

Латкина Е. Образ Лары в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков. Сост. С. А. Тихомиров. Вологда, 2007.

Ляху В. О влиянии поэтики Библии на поэтику Достоевского // Вопросы литературы. 1988. № 4.

Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.

Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность // АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л., 1988.

Соломина-Минихен Н. (монахиня Ксения). О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот». СПб., 2016.

Степанян К. Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» // Роман Ф. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: сборник работ отечественных и зарубежных ученых / под ред. Т. А. Касаткиной. М., 2001.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.

Федорова Е. А. Автор и герой в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 3.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. М., 1997.

Шкловский В. Б. О теории прозы. М., 1929.

Bieringer R. & Hove V. I. Mary Magdalene in the Four Gospels // Louvain Studies, 2007. Vol. 32. No. 3.

Givens J. The Image of Christ in Russian Literature: Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak. NIU Press, 2018.

Lee D. A. Turning from Death to Life. The Ecumenical Review. 1998. Vol. 50. No. 2.

O'Collins G. & Daniel K. Mary Magdalene as Major Witness to Jesus' Resurrection // *Theological Studies*. 1987. Vol. 48. No. 4.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Достоевский Ф. М. *Идиот*: Роман. 2-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2003.
Пастернак Б. Л. *Доктор Живаго*. М. : Агентство ФТМ, Лтд., 1945-1955.

References

Altman M. S. *Dostoevsky: Pa beckham imen*. [Dostoevsky: By milestones of names]. Saratov, 1975.

Bem A. L. *K uyasneniyu istoriko-literaturnykh ponyatiy*. [Toward an understanding of historical and literary concepts s]. 1918. Vol. 23. Book 1. St. Petersburg, 1919.

Berdyayev N. A. *O russkikh klassikakh*. [About Russian classics]. Moscow, 1993.

Yevlampiyev I. *Dostoyevskiy i Nitsشه: na puti k novoy metafizike cheloveka*. [Dostoevsky and Nietzsche: on the way to a new metaphysics of man]. In: *Voprosy filosofii*. [Questions of philosophy]. 2002. No. 2.

Esaulov I. A. *Paskhal'nyy arkhetip v poetike Dostoyevskogo*. [Easter archetype in Dostoevsky's poetics]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki*. [Problems of historical poetics]. 1998. No. 5.

Kamelyanova F. F. *Vechnyye idei i tsennosti v romanakh F. M. Dostoyevskogo "Idiot" i B. L. Pasternaka "Doktor Zhivago" (opyt sopostavitel'nogo izucheniya)*. [Eternal ideas and values in F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" and B. L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago" (experience of comparative study)]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen]. 2009. No. 99.

Kamelyanova F. F. *Romany F. M. Dostoyevskogo "Idiot" i B. L. Pasternaka "Doktor Zhivago": tipologicheskoye skhodstvo khudozhestvennykh sistem*. [F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" and B. L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago": typological similarity of artistic systems]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Birsk, 2011.

Latkina E. *Obraz Lary v romane B. L. Pasternaka "Doktor Zhivago"*. [The image of Lara in B. L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago"]. In: *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: Problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya*. [Russian culture of the new century: Problems of studying, preserving and using historical and cultural heritage]. Vologda, 2007.

Lyakhu V. *O vliyaniy poetiki Biblii na poetiku Dostoyevskogo*. [On the influence of the poetics of the Bible on the poetics of Dostoevsky]. In: *Voprosy literatury*. [Questions of Literature]. 1988. No. 4.

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki*. [Morphology of fairy tales]. Leningrad, 1928.

Putilov B. N. *Geroicheskiy epos i deystvitel'nost'*. [Heroic epic reality]. Leningrad, 1988.

Solomina-Minikhen N. (nun Xenia). *O vliyaniy Yevangeliya na roman Dostoyevskogo "Idiot"*. [On the influence of the Gospel on Dostoevsky's novel "The Idiot"]. St. Petersburg, 2016.

Stepanyan K. *Yurodstvo i bezumiye, smert' i voskreseniye, bytiye i nebytiye v romane "Idiot"*. [Foolishness and madness, death and resurrection, being and non-being in the novel "Idiot"]. In: *Roman F. Dostoyevskogo "Idiot": sovremennoye sostoyaniye izucheniya*. [Dostoevsky's novel "The Idiot": the current state of the study]. Moscow, 2001.

Tomashevsky B. V. *Teoriya literatury. Poetika*. [Theory of literature]. Moscow, 1996.

Fedorova E. A. *Avtor i geroy v poetike romana F. M. Dostoyevskogo "Idiot"*. [Author and hero in the poetics of F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot"]. In: *Problemy istoricheskoy poetiki*. [Problems of historical Poetics]. 2019. Vol. 17. No. 3.

Freudenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra*. [Poetics of plot and genre]. Moscow, 1997.

Shklovsky V. B. *O teorii prozy*. [On the theory of prose]. Moscow, 1929.

Bieringer R. & Hove V. I. "Mary Magdalene in the Four Gospels". *Louvain Studies*, 2007. Vol. 32. No. 3.

Givens J. *The Image of Christ in Russian Literature: Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, Pasternak*. NIU Press, 2018.

Lee D. A. *Turning from Death to Life*. *The Ecumenical Review*, 1998. Vol. 50. No. 2.

O'Collins G. & Daniel K. "Mary Magdalene as Major Witness to Jesus' Resurrection". *Theological Studies*. 1987. Vol. 48 No. 4.

List of sources

Dostoevsky F. M. *Idiot*. [The Idiot]. Moscow, 2003.

Pasternak B. L. *Doctor Zhivago*. [Doctor Zhivago]. Moscow, 1945-1955.